

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.017.92

Б. В. Куприянов

ГУМАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ КАК УТОПИЯ (в социально-педагогической антиутопии Януша Корчака)

В тексте статьи автор, интерпретируя сказку Януша Корчака о короле Матиуше Первом, размышляет о возможности гуманизации воспитания, о вечных противоречиях между взрослыми и детьми, о смысле и драме педагогической профессии.

Ключевые слова: Социально-педагогическая утопия, гуманизация, отношения взрослых и детей, миссия и парадокс педагогической профессии.

Boris V. Kupriyanov

HUMANIZATION OF EDUCATION AS UTOPIA (in socio-pedagogical dystopia of Janusz Korczak)

(Moscow city Pedagogical University, Moscow)

In the article the author, interpreting the story of Janusz Korczak about King Matushe the First, speculates on the possibility of humane education, the eternal conflicts between adults and children, about the meaning and drama of teaching profession.

Key words: Social-pedagogical utopia, humanism, against adults and children, the mission and the paradox of the teaching profession.

*Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет.*

А. Галич

Осмысление современных практик воспитания со всей остротой ставит на повестку дня вопрос о возможностях и путях гуманизации пространства существования ребенка. Вопрос этот философского свойства и высокого уровня сложности. В его разрешении трудно обойтись без опоры на основополагающие идеи, сформулированные великими педагогами – гуманистами, такими, к примеру, как Януш Корчак. Его практическая деятельность и литературное наследие дают большую пищу для размышлений о жизни ребенка в мире взрослых. Именно такую проблему ставит великий гуманист в своих сказках о короле Ма-

Куприянов Борис Викторович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории педагогики (Московский городской педагогический университет, г. Москва).
e-mail: Boriskupriyanoff2012@yandex.ru

© Куприянов Б.В., 2012

тиуше Первом. Представляется, что два эти произведения, «Король Матиуш Первый» и «Матиуш на необитаемом острове», могут интерпретироваться как своего рода «социально-педагогическая антиутопия».

В традиции социально-гуманитарного знания активно используется понятие утопия и антиутопия, где первое трактуется в качестве жанра художественной литературы, описывающего модель идеального (по мнению автора) общества. В отличие от утопии *антиутопия* не приписывает придуманной социальной системе статуса общественного идеала. Как указывает гуманитарный словарь (2002), для авторов антиутопии характерен пессимизм, «что во многом оправдано фактами современного социального и научно-технического развития и может рассматриваться как закономерный протест против чрезмерной рационализации и прагматизации современного образа жизни, бюрократизации общества, регламентации человеческих отношений, стандартизации сознания и поведения людей»¹.

Изучение романов Дж. Ролинг (позволило нам предложить трактовку понятия «социально-педагогическая утопия» [4], где упор делался на противопоставление образа воспитательной организации наличным образовательным реалиям и осуществление в этом образе мировоззренческого проекта социально-педагогическими средствами. Отсюда *социально-педагогическая антиутопия* может быть понята как *изображение писателем вымышленных социально-педагогических реалий, которое служит критикой идеалистических педагогических проектов и концепций*, и в данном случае обреченность реформ, направленных на гуманизацию жизни детей в мире взрослых.

Показательно, что в обеих сказках о короле Матиуше нет ничего волшебного, ни одной волшебной палочки, никакого нереального чуда. Традиционное понимание приставки анти-, как противопоставления позволяет говорить о педагогической антиутопии как манифесте невозможности осуществить мировоззренческий (в данном случае гуманистический по отношению к детям) проект социально-педагогическими средствами. Именно так можно истолковать неуспех всех попыток юного короля построить в мире взрослых «подмир детского благополучия». Примечательна оценка исследовательницы педагогической концепции Януша Корчака Т. В. Забуты (Украина): «крах утопической республики Корчака начался еще до немецкого вторжения в 1935 году... многие воспитанники Корчака, начав самостоятельную жизнь, обнаруживали, что навыки, полученные ими в приюте, скорее мешают, чем помогают. Они не были подготовлены к борьбе за существование, к жесткой конкуренции, их приучили относиться к другим людям как к братьям, а в реальной жизни приходилось «толкаться локтями», чтобы выжить. Как это часто бывает, мир, любясь и восхищаясь утопией, на практике ее отторгал...» [2].

¹ Гуманитарный словарь [Электронный документ] // URL: <http://slovari.yandex.ru>

Такой оценке можно найти подтверждение в сюжете названных произведений - первая сказка завершается ссылкой главного героя на необитаемый остров, а вторая его гибелью.

В этой связи интерес представляют несколько моментов:

- какие попытки гуманизации жизни детей оказались утопичными?
- в чем причины утопичности этих попыток?

Попытки гуманизации жизни детей в мире взрослых

*Хожу к себе с докладом, возвания пишу,
Командую парадом и знаменем машу.
О, сладость произвола! о, вольный дух казарм!
Я сам себе крамола, я сам себе жандарм.*

М. Щербачков

В сказках Корчака юный король реформатор начинает с достаточно наивных мер. Исполняет мечту маленькой девочки о большой кукле, приказывает выдавать каждому школьнику шоколад, награждает послушных детей посещением театра. Дальше действия Матиуша представляют собой меры по социальной поддержке детей: *«каждый мальчик и каждая девочка получают к лету по два мяча, а зимой – коньки. После уроков всем ученикам выдавать по одной конфете и сладкому пирожку. Девочкам, кроме того, ежегодно выдавать по новой кукле, а мальчикам – перочинный ножик. Во всех школах соорудить качели и карусели. К каждой купленной книжке или тетради бесплатно прилагаются переводные картинки...»* [3, с. 154].

Следующий шаг Матиуша, является более серьезным – юный король решает прочитывать письма, которые пишут ему дети. Однако детских писем, адресованных королю, оказалось великое множество. *«Как быть? – ломал он себе голову. – Если каждый день читать по столько писем, ни на что другое времени не хватит. А выбрасывать письма на помойку – величайшее свинство»* [3, с. 158]. После ряда безуспешных попыток в одиночку прочитывать поступающую корреспонденцию, намучившись и утомившись, Матиуш принял решение организовать изучение писем и для того, что бы выдавать нуждающимся обувь, одежду, книги и т.д.

Постепенно маленький король дозрел до первых настоящих преобразований в интересах детей:

1. *В лесах, в горах, на берегах рек и озер построить дома, в которых летом будут отдыхать дети бедняков.*
2. *Во всех школьных дворах соорудить качели и карусели с музыкой.*
3. *Устроить в столице зверинец со львами, медведями, слонами, обезьянами, змеями и птицами...»* [3, с. 131].

Несмотря на позитивное восприятие в обществе мер социальной поддержки детей, Матиуш осознает, что предпринятые им действия не являются реформами в полном смысле этого слова. И вот тогда он решается на серьезные демократические преобразования – созыв взрослого и детского парламентов. Как мы знаем из истории, подобные реформы

обусловлены борьбой народа за демократию. В сказке Я. Корчака перед нами романтик – правитель – борец за справедливость.

В своих попытках сделать жизнь детей гуманнее маленький король проходит путь от единичных подарков к мерам по социальной защите, а затем к демократизации детской жизни путем привлечения маленьких граждан к общественному самоуправлению.

Однако, если самые первые действия Матиуша воспринимаются как блажь юнца, меры социальной помощи детям получают широкую общественную поддержку, а вот демократические преобразования вызывают не понимание, а у самого реформатора в конечном итоге разочарование: «Ноги моей больше не будет в парламенте! – вернувшись во дворец, решил смертельно оскорбленный Матиуш. – Черной неблагодарностью отплатили они мне за все, что я для них сделал. За бессонные ночи, за опасные путешествия, за защиту государства, едва не стоившую мне жизни...» [3, с. 257].

Другими словами гуманизация жизни детей как гуманитарная практика воздействия взрослых не удовлетворяет писателя, а гуманизация собственной жизни силами самих детей оказывается невозможной, оказывается утопией.

Психоаналитический приговор гуманизации детской жизни в мире взрослых

*С кем ни сойдись, либо рожден, либо возвращен калекой.
Каждый второй слеп или нем, или разут, раздет.*

М. Щербаков

Даже поверхностный взгляд на персонажей сказок Януша Корчака приводит к весьма ясной и простой картине, на которой изображены «дети», «мир взрослых» и Матиуш Первый. Главный герой изображен сугубо отдельно. С одной стороны он явно принадлежит к детям, его искренние проявления детскости. С другой стороны постоянное стремление нормировать свою жизнь соответствовать ожиданиям о «хорошем короле».

Применение психоаналитической схемы Э. Берна к трактовке персонажей позволяет увидеть следующие аналогии:

– большинство *взрослых* в сказках Я. Корчака по наиболее частным проявлениям и поступкам, соответствуют Я-состоянию «Родитель», то есть ни на шаг не отступают от общепринятых правил, норм и стереотипов и резко осуждают окружающих за даже небольшие отступления;

– практически все образы *детей*, представленных в историях о короле Матиуше достаточно точно отражают Я-состояние «Ребенок» – действуют исключительно под влиянием эмоций и чувств, исходя из собственных, порой сиюминутных желаний, а не разумных доводов;

– очень небольшая *группа персонажей* (старый доктор, Печальный король, лорд Пакс), прежде всего главный герой сказок – король Мати-

уш Первый, по своему поведению могут быть отнесены к – Я-состоянию «Взрослый», а именно действуют разумно и ответственно, анализируют ситуацию, рефлексиируют собственные состояния, мысли и чувства.

Если принять эту схему, то получается, что именно вот эта небольшая группа выступает посредником между подданными норм (Я-Родитель) и рабами собственных импульсов (Я-Ребенок). Это посредничество постоянно наталкивается на трудноразрешимое противоречия между негативным родительским отношением к детям и инфантильным отношением детей к окружающему миру. Особенно тяжело Матиушу, так как, несмотря на его взрослое и разумное поведение, хотя и фактически ограниченное незначительным жизненным опытом, его воспринимают как ребенка.

Родительское отношение к детям, изображенное Я. Корчаком, отличается высокомерием, пренебрежением, допустимостью широко спектра манипуляций, лукавства и прямого обмана. Достаточно характерное предзнаменование всех событий, произошедших в течение сказки, Корчак формулирует изначально – королевские министры практически сразу после смерти короля – отца Матиуша вслух заявляют о грядущем поражении в войне по причине малолетства правителя. Таковы убеждения, господствующие в мире взрослых – если ребенок будет во главе государства, то крах неминуем. Или еще характерный эпизод: «Министры опустили головы, боясь, как бы король не догадался, о чем они думают. А они думали о том, какие глупые дети» [3, с. 168].

Весьма яркую оценку вкладывает автор в уста одного из заклятых врагов Матиуша – молодого короля: «Скажи своему Матиушу, что с детьми переговоров не ведут – их розгами секут...». Главный герой искренне возмущается коварством взрослых: «Посудите сами, разве честные люди так поступают? – писал в Матиуши. – Притвориться другом, подарить порт, продать корабли, а потом ни с того ни с сего взорвать две крепости ..., перейти границу. А когда я спросил, чего ему надо и, может, он понарошку подарил мне порт, – тогда я готов отдать половину золота, – он наговорил моему послу грубостей и написал: «Ищи дураков!» Разве так делают?» [3, с. 307].

После победы над Матиушем взрослые короли разрабатывают по отношению к побежденному (нашализованному ребенку) целое «воспитательное мероприятие», призванное вызвать страх и покорность: «Полевой суд приговорит Матиуша к расстрелу. Перед казнью три короля помилуют его. ...Первый год Матиуши проведет в одиночестве на необитаемом острове. Через год ему разрешается пригласить по собственному выбору десять человек, если таковые найдутся [3, с. 324]. Совершенно по-родительски звучат следующие высказывания: «я требую, чтобы Матиушу всенародно объявили смертный приговор и помиловали только в последнюю минуту. Пусть народ полюбуется, как их Матиуши льет слезы и просит пощады. Пусть глупый народ, который позволял водить себя за нос несмышленому мальчишке, раз и навсегда поймет, что Матиуши не герой, а наглый и трусливый сопляк» [3, с. 324].

Взрослые только в крайнем случае могут пойти на уступки детям: «Хочешь, не хочешь, а на уступки пойти придется. Например, газета. Можно издавать детскую газету, деньги ведь теперь есть» [3, с. 168]. То есть отношения в какой-то момент могут перевернуться (инверсия), и даже не так важно, что момент этот будет краток, важнее другое — взрослые абсолютно не готовы к партнерству с детьми, к отношениям на равных, вот выдержка из обсуждения ситуации с Матиушем королями:

- предоставим мы детям свободу или нет?
- ...Розги им нужны, а не свобода!
- ...Лучше не давать есть. Оставить мальчишку без завтрака или без обеда, и он сразу шелковый станет.
- ... Дети легкомысленны, у них нет жизненного опыта.
- По-моему, надо внушить им, чтобы они подождали, пока подрастут и поумнеют» [3, с. 414].

Парадокс состоит в том, что осуждая детей за детскость, инфантилизм взрослые зачастую ведут себя как дети. Так, например, когда соседний король угрожал государству Матиуша войной, вместо того, чтобы дипломатично ответить, проявить рассудительность и терпение канцлер ведет себя как мальчишка — забияка: «У канцлера (то есть главного министра) душа ушла в пятки, но он с невозмутимым видом взял лежащий перед ним листок бумаги и написал синим карандашом: «Хорошо, пусть будет война», — и протянул записку иностранному послу...» [3, с. 10].

Спустя много страниц Я. Корчак как будто объяснил это «впадение» взрослых в детство: «Простите их, ваше величество, — вступился за лакеев церемониймейстер и покраснел так, что у него даже кончики ушей стали пунцовыми — Бедняги с малолетства не знали, что такое детские игры и шалости. Едва они подросли, как стали служить посыльными и поварами, а потом — лакеями. И вечно от них требовали безропотного повиновения и тишины. А сейчас они словно с цепи сорвались...» [3, с. 291]. То есть писатель предполагает, что вынужденное зарабатывание денег в раннем возрасте, лишает взрослых полноты жизненных ощущений и приводит к деформациям, недостатку психологической зрелости.

Детское отношение к окружающему миру. В изображении Я. Корчака дети далеки от идеальных пасхальных открыток, конечно, они разные, но если говорить о целостном образе, то самым красноречивой оценкой является своеобразный приговор, который Матиуш произносит в минуты сильной досады: «Дети злые, несправедливые, вредные, лживые. Заике, косому, хромому, рыжему, горбатому или если кто-то наделал в штаны, они проходу не дадут, задразнят. «Рыжий — красный, черт опасный!.. Хромоножка!.. Горбун!..» — кричат они, кривляются и смеются. Десятилетний смеется над восьмилетним, двенадцатилетний не хочет водиться с десятилетним. Увидят у другого что получше, обязательно выклянчат или будут подлизываться без зазрения совести. Драчуну все спускают, а тихого и доброго не ставят ни во что. Доверишь кому-нибудь тайну, он с тобой поссорится и выбол-

тает ее. Всех высмеивают, обижают, дразнят. Идешь по улицам парами – обязательно пристанут, потому что знают, ты беззащитен, когда идешь с воспитателем, который запрещает драться. А сколько среди ребят воров и обманщиков! Дашь взаймы – не отдадут и еще скажут: «Отстань, отвяжись, катись к черту, а то в зубы дам!» А хвастуны какие! Каждый хочет быть первым. Старшие ссорятся с младшими, мальчики – с девочками. Теперь я понимаю, почему провалилась затея с детским парламентом. Да и как ей было не провалиться! ...» [3, с. 423].

Третья группа персонажей, как уже указывалось, представляют собой состояние «Я-Взрослый». В психологической и педагогической литературе просматриваются метафоры, соотносящие фрейдовское «Эго» с образами принца и короля («Принцы и лягушки» Э. Берна), поэтому очень символично, что главный взрослый это и есть король Матиуш. Размышления Матиуша типичны именно для берновского взрослого: «Когда все рассчитали по часам и минутам, Матиушу взгрустнулось. А когда же играть? Но он тут же одернул себя: «Король, даже если он мальчик, прежде всего, должен думать не о себе, а о других. Может, настанет такое время, когда я переделаю все дела и тогда смогу поиграть часок-другой...» [3, с. 161]. В тексте многократно представлены примеры, когда Матиуш стараясь вести себя как король, сдерживается, проявляет терпение и выдержку: «Вздыхнул, но не заплакал – сдержался. Не пристало королю сидеть на троне с заплаканными глазами». Маленький герой остро негативно реагирует на тех взрослых, которые ведут себя как дети: «После заседания к Матиушу подошел король Бамбук: хотел поболтать. Но Матиуш отвернулся от него с отворачиванием: он терпеть не мог врунов. Матиуш знал, взрослые тоже иногда любят прихвастнуть, но чтобы такое сказать, надо совсем совесть потерять...» [3, с. 406].

Диспозиция, нарисованная великим гуманистом полностью совпадает с моделью З. Фрейда – представители «Я-Взрослый» находятся как бы между двумя группами «Я-Ребенок» и «Я-Родитель». Следуя этой логике в уста еще одного берновского Взрослого – Печального короля Корчак вкладывает обоснование прав детей: «Все, что здесь говорилось о детях, раньше говорили о крестьянах, рабочих, женщинах и неграх. Они, мол, такие-сякие, нехорошие, и никаких прав им давать нельзя. Теперь мы понимаем, что это неправильно. ... Дети должны иметь свои деньги для покупки необходимых вещей. Не исключено, что они будут тратить их на всякую ерунду. Но разве взрослые не транжирят деньги? Можно, например, дать им деньги взаймы, а они вернут, когда вырастут. А сейчас они часто оказываются в положении нищих: о каждой мелочи изволь просить, выбирать момент, когда взрослые в хорошем настроении. Давайте лучше подумаем, какие еще дать детям права. Они нисколько не хуже нас, взрослых...» [3, с. 464].

В своих размышлениях ему вторит главный герой, который в своих отношениях с двумя странными малышами с маяка (Ала и Алю) пытается быть взрослым, не родителем, а именно взрослым, хотя может быть не

только: «У малышей тоже должны быть права, – думает Матиуш. – Но как сделать, чтобы им было весело и в то же время они не мешали старшим играть или делать уроки?» [3, с. 464]. И вот с этой истории с маленькими братом и сестрой все ощутимей возникает вопрос о том, кто такой король Матиуш?

«...И Матиуш решил заниматься с детьми. Ало он научит читать и писать. А вот как быть с Алой? Картинки, которые он привозит, быстро ей надоедают, и она требует новых....

...Может, Ала, как канарейка, понимает что-то и знает, только выразить не умеет. Матиуш забыл, о чем он думал, когда был маленький, поэтому и не понимает Алу.

...Ала ведь не всегда капризничает. Иногда она присмирееет, уставится своими глазенками куда-то вдаль и вздыхает. А то уцепится за руку Матиуша, долго, пристально смотрит ему в глаза и тяжело вздохнет. ...» [3, с. 464].

Рискнем предположить, что в истории короля Матиуша представлены авторские аллюзии не только на собственную жизненную ситуацию, но это своего рода обсуждение драмы педагогической профессии. Дилемма педагогического гуманизма такова – потребности и нужды детей столь значительны и разнообразны, что пристальное внимание к ним занимает все время и все силы педагога не оставляя места для всей остальной работы, повседневных житейских дел – «Как быть? – ломал он себе голову. – Если каждый день читать по столько писем, ни на что другое времени не хватит. А выбрасывать письма на помойку – величайшее свинство. Но откуда их столько берется?» [3, с. 158]. Возможно, в этой дилемме в той или иной степени отразилась тема, так часто мучавшая самого Я. Корчака.

Финал истории о Матиуше печален, герой гибнет в совершенно странных нелепых обстоятельствах. Рискнем предположить, что автор прощается с Матиушем в тот момент, когда тот, выстроив свою частную жизнь, перестал бороться за гуманистические идеалы. В этом возможно читается парадоксальное послание великого гуманиста о том, что, несмотря на обреченность усилий, прекращение борьбы за человечность лишает жизнь смысла. Такая вот экзистенциальная альтернатива педагога: либо жизнь, смысл которой в безуспешной борьбе за идеалы гуманизма, – либо смерть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеева, Р. А. Гуманистическая педагогика Януша Корчака: учебное пособие, Казан. гос. пед. ин-т. Казань: КГПИ, 1994. 114 с.
2. Забута, Т.В. Детское самоуправление в педагогическом наследии Януша Корчака: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Одесса, 1997. 20 с.
3. Корчак, Я. Король Матиуш Первый. Антось волшебник; пер. с польского Н.Я. Подольской. М.: АСТ: Астрель, 2011. 825 с.

4. *Куприянов Б.* Гарри Поттер и педагогическая утопия Джоанн Ролинг // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 3(34). С. 53 – 61.
5. *Куприянов Б.В.* Психолого-педагогические наваждения: анализ педагогического взаимодействия. М.: Чистые пруды, 2010. 29 с.
6. *Куприянов Б.В.* Социализация и воспитание в условиях восточной деспотии // Педагогический Журнал Башкортостана 2012. № 1(38). С. 41 – 50.
7. *Лифтон, Р. Дж.* Король детей. Жизнь и смерть Януша Корчака = The King of Children. The life and death of Janusz Korczak [пер. с англ. И. Гуровой и В. Генкина]. М.: Рудомино, 2004. 397 с.

* * *